

ФЕСТИВАЛЬ ОДНОГО РЕЖИССЕРА

Ветер Москва - 1991 - 54091

Даже самый искушенный театрал вряд ли припомнит такой фестиваль в культурной жизни Москвы. И действительно, фестивали спектаклей одного режиссера на сценических подмостках нашего города пока не проводились.

Не так давно режиссер Геннадий Тростянецкий, известный такими своими постановками в Театре имени Моссовета, как «Печальный детектив» В. Астафьева, «Женский стол в «Охотничьем зале» В. Мережко, «Чайка» А. Чехова, был приглашен в Санкт-Петербург возглавить Театр на Литейном. Свой первый сезон на посту его руководителя он решил отметить не совсем обычно. Новоиспеченный петербуржец пригласил в гости со спектаклями коллегу-москвича Каму Гинкаса, в свое время «изгнанного» из Ленинграда.

Показ его театральных постановок по произведениям Федора Михайловича Достоевского «Записки из подполья», «Играем Достоевского» и моноспектакля «Пушкин и Натали» прошел на сцене Театра на Литейном. Хочется думать, что подобная акция не станет единичной и в будущем послужит прекрасным примером для москвичей.

Предоставим слово пресс-атташе фестиваля, члену редколлегии журнала «Театральная жизнь» **Владимиру Оренову**. Надеемся, что его оригинальное эссе, написанное с немалой долей юмора и симпатии к его герою, будет небезынтересно для тех, кто следит за творчеством театрального режиссера Камы Гинкаса.

Режиссеров надо очень любить и желательно не работать с ними

в одном театре.

Ка-Ма Гин-кас — звук языческий, мистический.

Он жутко быстро ест: прямо смекает все со стола, а потом сидит, задумавшись, не обращая на тебя никакого внимания.

Злитса, как черт, и в гневе бывает очень неприятен...

В дни войны литовцы прятали у себя, передавали с рук на руки ребенка Каму, чудом вынесенного из каунасского гетто. Ребенок плакал и орал по-еврейски: «Кама хочет домой!». Немцы это услышали и ушли из Литвы. Возможно, они первые осознали, что с Гинкасом лучше не связываться.

Георгий Александрович Товстоногов, тогда возглавлявший Большой драматический театр имени Горького, и Генриетта Яновская, возглавляющая ныне Московский театр юного зрителя, осознали не сразу. Первый — принял его в ученики, вторая — вышла за него замуж. Но понять их можно.

Затем Гинкас с супругой отправились в Красноярский театр юного зрителя, где Кама с помощью художника Эдуарда Кочергина засунул Гамлета с его монологами в какую-то корзину, и всем понравилось, особенно на триумфальных гастролях в Питере.

В Сибири Кама тоже хотел домой: в ленинградскую квартиру за углом Большого драматического театра. Потом пожил за углом от Театра имени Ленсовета. Но тут выяснилось, что никто не собирается давать ему работу ни в каком театре.

Шли голодные невоенные годы. В драмом собачьем полушубке

Гинкас выгуливал пса по Литейному. У пса похлебка была постоянно. У безработной режиссерской семьи появлялась нерегулярно.

Несколько спектаклей в Ленинграде принесли Гинкасу такую известность эстетического бунтаря, что это отбило у городских чинов и главрежей охоту приглашать его на постановки.

Но Кама все еще «хотел домой». Нина Дробышева из Театра имени Моссовета и неизбывное честолюбие привели Гинкаса к постановке в белокаменной чисто петербургского спектакля «Пять углов», после премьеры которого все ненадолго решили, что Сергей Кокоркин отличный драматург.

Грянул «Вагончик» в Художественном, и все ненадолго решили, что Нина Павлова отличный драматург, прошлестел Ибсен в саду «Аквариум», отгулял «Тамада» во МХАТе.

На этот раз Кама захотел не домой, а дома. Который он и обрел в Москве.

И вот что удивительно. В Санкт-Петербурге появились люди, которые Каму хотят домой. Хотя бы на время. Они осознают себя в контексте подлинных театральных традиций последних вятотекущих десятилетий.

Фестиваль одного режиссера. У этой идеи может быть будущее!

Всесоюзный успех, особое уважение коллег, беготня, суета, а время щелкает костяшками божественных счетов, постепенно расставляя все на свои места, проявляя истинные художественные ценности, даже если ценности эти шагают в драных собачьих полушубках.